

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования**

**МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)**

Направление подготовки: **АРХИТЕКТУРА 07.06.01**

**НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
об основных результатах
подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации)**

**На тему «Интеграция руинированных исторических объектов в современный
архитектурный контекст»**

Аспирант _____ Буш Полина Дмитриевна

**Научная специальность 05.23.20 Теория и история архитектуры, реставрация
и реконструкция историко-архитектурного наследия**

**Научный руководитель: Щенков Алексей Серафимович
Доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, директор
центра сохранения архитектурного наследия МАрхИ**

Кафедра подготовки _____ «Реконструкция в архитектуре»

2016/ 2017 уч.г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Руинированные объекты — чрезвычайно ценная составляющая культурного наследия, в значительной своей части это фрагменты древних культур, остатки уникальных произведений. В то же время — это наиболее хрупкая часть культурного наследия, подверженная эрозии, требующая постоянного ухода. Проблема поддержания руинированного состояния объекта — не новая задача. Ещё в публикациях начала прошлого века говорится о том, что средства консервации открытой кладки очень малоэффективны. Хотя процесс разрушения продолжителен, он прогрессирует незаметно, но неумолимо. Как правило, происходят небольшие постепенные изменения, которые периодически приводят к массовым обвалам. Необходимы защита и сохранение.

Мировой опыт работы с руинированными объектами достаточно обширен, особенно в том, что касается практики работы с этим типом объектов. Практикуются два способа решения проблемы. Первый способ — укрепление памятника в руинированном состоянии с помощью различных технических средств и подчеркивание приобретенных качеств природно-антропогенной скульптуры. Второй — это включение наследия в новое законченное архитектурное сооружение.

В последнее десятилетие интерес к руинированным объектам заметно возрос. Но метод осмысления зачастую сводится к подбору визуальных образов, ориентированных на специфику актуальных культурных предпочтений (например, выставки «RUIN LUST» в британской галерее Тэйт 2014 г. И «MODERNISM AS A RUIN. AnArchaeologyofthePresent» в GeneraliFoundation, Вена 2009 г.), тогда как теоретизация современных взглядов является достаточно редким явлением.

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью теоретического осмысления проблем работы с наследием, отсутствием систематизации и классификации современных приёмов интеграции руинированных объектов культурного наследия в современный архитектурный контекст, неразработанностью критериев культурной оценки применяемых приемов.

Тема особенно существенна для отечественной архитектурной теории. В России в изобилии представлены примеры руинированности памятников архитектуры. Полное восстановление чаще всего невозможно как по этическим, историко-культурным, так и по коммерческим причинам. Необходима новая историко-культурная и функциональная программа поддержания объекта наследия. Важен анализ практикуемых приемов консервации и экспозиции, мало используемых у нас приемов интеграции

руинированных ценных объектов в новую архитектурную композицию. Необходимо предварительное изучение спектра историко-культурных, композиционных и технических проблем. В связи с этим весьма актуален анализ европейского опыта архитектурной работы с руинами.

В архитектурной проблематике сохранения руинированных объектов наследия на первом месте оказываются историко-культурные вопросы, связанные с образностью произведения прошлого, читаемостью прежних смыслов, возможностью переосмыслиния их современником. Но с этим во многом связана и техническая проблематика, которая отчасти роднит интеграцию руинированных памятников с археологией. Руинированные памятники находятся на границе между архитектурой и археологией. Руины наглядно показывают особенности строительства прошлых эпох и дают уникальную информацию о прошлом. Многие из этих объектов сами по себе живолисны и эффектны по структуре или имеют драматические исторические ассоциации. Существует явная потребность в изучении методов сохранения наследия и фрагментарной реставрации. При невозможности восстановления памятника в полном объеме нужно максимально трепетно относиться к подлинному немногочисленному сохранившемуся материалу.

Теоретическая база исследования и степень научной разработанности темы

Анализ мировой практики последних десятилетий дает много примеров различных решений задачи сохранения руинированных объектов, раскрытия и интерпретации их культурного содержания. Распространены как технические средства консервации, так и защитные оболочки, различные приемы интерпретации культурного смысла руинированного объекта. Литература по проблеме достаточно обширна. Однако почти нет трудов обобщающего характера, направленных на осмысление историко-культурной проблематики работы с памятниками такого рода. Только в некоторых публикациях, касающихся более общих вопросов сохранения наследия, встречаются отдельные суждения о культурной роли руинированных памятников и тех содержательных трансформаций, которые происходят в процессе их консервации или включения в современное архитектурное сооружение.

К работам общего характера следует отнести труды, так или иначе затрагивающие проблематику руинированных памятников, их консервации и экспозиции: Йокилемхто Ю., Кент Р., Джонстон К., Стэнли-Прайс Н., Тальягамбэ С., Пурини Ф.. К работам, касающимся технической стороны консервации, следует отнести работы таких авторов как Куинлан М., Ханна М., Ашёрст Дж., Туччи Дж., Бонора В.. Существует некоторое количество опубликованных статей и изданий зарубежных авторов по специфике

адаптации исторического материала и изменения функции здания, которые приводят анализ составной интеграционной архитектуры, не всегда оставляющей место для сохранения образности руинированной структуры, в том числе: Боллак Ф., Блезье Ч., Дэйвис М., Диллон Б., Думитреску А., Соколов Б.М., Седов В.В., Кобрин К., Среди немногих работ, затрагивающих проблемы образных характеристик руинированных объектов присутствуют публикации на тему психологической и ментальной привлекательности руинированных памятников, истории их эстетизации: Зенкин С.Н., Тригг Д., Шёнле А., Лишаев С.А., Матюшина И.Г. Есть также работы по частным вопросам, касающимся консервации и сохранению руин: Джэкс П., Фосетт Р., Фоузеки Р., Сандес С.. Есть также монографии и диссертации зарубежных и отечественных авторов, касающиеся предмета исследования: Думитреску А., Козеч М., Буонинконтри Ф., Минеева И.М.

К работам, имеющим косвенное отношение к интерпретации руинированных объектов культурного наследия, надо отнести диссертацию Каменского Ю. на звание кандидата культурологии «Интерпретация памятников археологии»

Сказанное позволяет заключить, что необходим анализ семантических и культурных характеристик интеграции руинированных памятников в современную среду обитания, в частности – в состав новых архитектурных сооружений. Необходимо систематизировать спектр подходов к интерпретации руинированных памятников архитектуры, а также выявить современные теоретические тенденции в отношении к объекту исследования.

Цель диссертации: Диссертация посвящена одному из аспектов очерченной выше проблематики: цель состоит в выявлении закономерностей, определяющих условия органичной, содержательно непротиворечивой интеграции руинированного памятника архитектуры в архитектурно-градостроительный контекст, учитывая, как техническую, так и, главным образом, семантическую/образную составляющую возникающих задач.

Основные задачи диссертации:

В соответствии с поставленной целью исследования, сформулированы следующие задачи диссертационного исследования:

- 1 Анализ теоретического осмыслиения проблемы в существующей научной литературе
- 2 Анализ и оценка формально-композиционных приемов работы с руинированными объектами культурного наследия
- 3 Изучение методов осмыслиения и интерпретации руинированных объектов культурного наследия.
- 4 Анализ зависимости композиционных решений от материала памятника и от возможности его консервации на существующее состояние.

5 Анализ различий в культурных парадигмах, определяющих различное отношение к консервации руинированных объектов культурного наследия

6. Анализ семантических и культурных характеристик интеграции руинированных памятников в современную среду обитания, в частности – в состав новых архитектурных сооружений

Объект исследования:

1. Руинированные объекты культурного наследия, так или иначе подвергшиеся интерпретационным преобразованиям, в том числе:
 - A. Руинированные объекты консервируемые или как-то дополняемые в качестве отдельной, открытой формы. Ирландия, Великобритания, Италия, Греция, Латвия, Россия
 - B. Руинированные объекты, включенные в составные сооружения, сочетающие историческую и современную возводимую структуру. Практические работы XX – начXXI вв. Великобритания, Ирландия, Израиль, Германия, Италия, Испания, Литва
 - C. С определенной долей условности в этом ряду имеет смысл рассматривать сооружения, имитирующие образные характеристики руин.
2. Публикации, раскрывающие рассматриваемую проблематику.

Границы исследования:

В хронологическом отношении основные задачи работы решаются преимущественно на материале исследований и проектных предложений второй половины XX - начала XXI века с необходимыми экскурсами в предысторию вопроса.

В географическом отношении выбор преимущественно европейского региона обусловлен тем, что при общей схожести менталитета и, в ряде случаев, материала европейский опыт предлагает широчайший спектр обработки руин для включения в новую структуру. Материал рассматривается, в частности, с точки зрения приложения к деятельности на территории Российской Федерации, поэтому за основу анализа берётся европейский опыт, как наиболее близкий. Анализ опыта таких стран, как Германия, Латвия, Литва особенно интересен схожестью климатических условий со средней полосой России.

Предмет исследования:

1. Приемы интеграции руинированных фрагментов зданий в новые архитектурные сооружения без потери приобретённых в процессе разрушения эстетических и морфологических качеств;
2. Художественные, эстетические и общекультурные аспекты подходов к сохранению объектов консервации
3. Этапы изменения отношения к руине

Методология исследования

Методология исследования включает изучение и сопоставительный анализ опубликованной научной литературы как на русском, так и, преимущественно, на иностранных языках, однако основой стал анализ диссертантом практики работ с руинированным наследием на основе публикаций, натурного ознакомления с объектами, проектной/экспериментальной работы и изучения, насколько позволил материал, общественной реакции на произведенные работы.

Новизна исследования:

Обзор показывает, что основа для исследования существует, но есть вопросы, которые разработаны в недостаточной степени или не затронуты в принципе. А именно: образные характеристики сопряжения исторического и современного материалов, классификация современных приемов интерпретации и популяризации руинированных объектов культурного наследия, систематизация современных теоретических взглядов и т.д. Их раскрытие в диссертации позволяет во многом по-новому осмыслить проблематику работы с руинированным архитектурным наследием.

Ожидаемые результаты.

В результате исследования предлагается структурная классификация способов взаимодействия руинированных сооружений с новой архитектурной формой, разрабатываются критерии оценки приемлемости различных композиционных приемов, в частности, контраста, в различных социо-культурных ситуациях, дается систематизация теоретических и практических программных подходов интеграции руинированных памятников в современную среду обитания.

Практическая значимость работы состоит в оценке и методологическом обосновании возможного спектра корректных проектных решений по интегрированию руинированных объектов культурного наследия в современный архитектурный контекст.

Положения, выносимые на защиту:

1. типология объектов исследования
2. выявление двух аспектов, принципиально различающихся в работе с руиной, а именно 1) превалирование метода технической формальной игры фактур 2) сохранение содержательных аспектов руины.
3. Оценка путей реализации этих аспектов применительно к различным типам объектов исследования

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Результаты исследования докладывались на научно-практических конференциях, по теме диссертации выполнено 10 публикаций, в том числе 3 в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. К теме диссертации относились вступительный реферат и статьи (Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ – 2014, 2015, 2016, 2017), а также выступления на конференциях.

Отдельные аспекты проблематики диссертации были предметом проектной разработки автора:

1. Концепция приспособления руинированной усадьбы Петровское-Алабино под антрепризный театр -
2. Участие в проекте «Фрагментарная реставрация и противоаварийные работы по флигелю «Руина» Главного дома усадьбы Талызиных» – осуществлен
3. Конкурсная работа «Отель-маяк в Капо-диМурро» освоение руин маяка и приспособление под гостиничный комплекс, мемориал жертв II Мировой войны на Сицилии
4. Ведение проекта «Памятники Калининграда» - 3-Д воссоздание руин замка Бранденбург в Калининградской области
5. Освоение руины ГЭС в селе Заполицы, Владимирской области
6. Участие в проекте «Концепция ревитализации г. Сузdal», затрагивающем возможности историко-культурной адаптации разрушающихся поздних сооружений г. Сузdal.

Структура диссертации. Диссертация состоит из текста, включающего введение, три главы, заключение, списка литературы, списка основных публикаций по теме исследования и приложений. Основной текст диссертации изложен на 185 страницах. В диссертации содержится три приложения: Приложение 1 представляет собой исследование на тему «Специфика работы с руинами в Российской Федерации», содержащее краткий экскурс историю вопроса на территории России, Приложение 2 - иллюстрации к тексту; Приложение 3 – примеры графических работ, выполненных аспирантом в процессе написания диссертации. Список литературы включает 137 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

ВВЕДЕНИЕ

Во введении обоснована актуальность проблемы, связанная с её недостаточной изученностью, отсутствием систематизации и классификации приёмов интеграции руинированных объектов культурного наследия. Даны различные определения термина «руина». Предоставлен глоссарий, необходимый для понимания специфики объекта исследования. Дано описание места объекта в культуре и обрисованы тенденции изменения персональной реакции на объект с течением времени. Определены цели, задачи, объект, предмет и границы исследования. Указана научная новизна и практическое значение работы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАБОТЫ С РУИННИРОВАННЫМ ОБЪЕКТОМ

1.1 Представление о руине в науке и культуре

Во первой части главы рассмотрены архитектурно значимые аспекты семантики руин. По своей сути руина является стадией существования архитектурного объекта. И это в истории в той или иной мере замечалось со времен древности. К осмыслению роли руинированного объекта обращались представители различных сфер культурной деятельности. Изучение теоретического материала и тенденций в работе с наследием показывают, что авторы обращают внимание на широкий круг различных аспектов восприятия руинированного сооружения.

Многоаспектность явления руины замечалась как в истории архитектуры, так и в архитектурной практике. Некоторые позиции высказаны и опубликованы, а некоторые выявлены в данном исследовании при анализе практики. Авторы составных

интеграционных архитектурных сооружений как правило, выборочно реагируют на отдельные качества руинированного объекта. И поэтому диссертант не претендует на то, чтобы создать комплексную картину. В вводной главе диссертант имеет целью акцентировать те стороны, которые находили в прошлом, а самое главное, находят отражение сегодня в практической стороне преобразования и приспособления руин. В диссертации отмечается ключевая роль для исследуемой темы категорий времени и вечности. В архитектурной практике она проявляется, в частности, в использовании реальных руин в качестве мемориала, воскрешающего с помощью архитектурных интерпретационных средств ценность прошедших значимых событий в истории страны или мира. Те же пластические характеристики могут воспроизводиться в искусственных сооружениях, имея целью воздействовать на сознание зрителя с помощью вернакуляра, приемов раскрытия или имитации пластики разрушения. Зачастую подобные сооружения соотносятся скорее со скульптурой, чем с архитектурой, но пространственные и образные характеристики, заданные архитекторами позволяют рассматривать их в рамках исследования.

В контексте проблемы времени и вечности заслуживает отдельного упоминания рассмотренная диссидентом линия теоретического и практического осмысливания руины как логичного, предсказуемого и прогнозируемого этапа существования архитектурного объекта. Тенденция эта пунктирно прослеживается с начала XIX века вплоть до наших дней. Рассматриваются взгляды и публикации Дж. Соана, Г. Дорэ, А. Шпеера, П. Смитсона, П. Сальтера, Г. Матта-Кларка, А. Лэкэтон и Ж. Ф. Вассаля (Lacaton & vassal), П. Кинцля (KSA Architects), (swiss-architectsProjekt) и др.

Столь же важна для диссидентаклассическая парадигма природа-культура. В рамках анализа связи руины с природой в работе прослеживается расширение традиционного положения, рассматривающего энтропию как «месть природы».

Модернизм начал новую линию трактовки руинированного объекта, рассматривая дихотомию целое-фрагмент. Складывается практика дифференцированного осмысливания основные архитектурных характеристик разрушающегося здания, таких как, например фактура, форма, материал и объём/пространственность. И эта линия находит отражение в современных работах теоретического и практического плана.

Развитие культуры в последние столетия, отмечено общей моделью фрагментации и параллельно с этим процессом увеличивается неоднозначность искусства. Неполнота, фрагментация, даже деструктивность начинают прослеживаться со времён Пиранези и,

несколько позднее, Ницше. Мир современности сильно фрагментирован и нестабилен, его постоянство проявляется лишь в постоянной изменчивости. Адорно в своей теории эстетики, которая касается роли искусства в современном мире пишет, что искусство работает на более высокой скорости, сила целой формы – в её фрагментах ", и, следовательно," если это произведение искусства задумано как единое целое и не фрагментировано, оно с самого начала обречено на провал ".

Осознание эстетической ценности руинированных объектов в живописи и графике после массового увлечения археологическими раскопками привело к общекультурному выведению руины из ранга объектов, не требующих внимания со стороны архитектурного освоения. Это стало отправной точкой для осмыслиния художественного потенциала руины не только как пластически выразительного объекта, но и как семантически и пространственно самодостаточного.

Руины были предметом научного изучения в качестве центральной темы в итальянской, французской, английской и немецкой литературе. Время от времени, повальное увлечение руинами определяло литературные пристрастия общества. Эти увлечения имели общекультурные и даже политические последствия.

В диссертации также рассмотрено расширение палитры обращения к мотиву псевдоруины как своеобразного синтеза освоения культурных и природных характеристик руинированного объекта.

1. 2. Руина в истории европейской культуры

Руины как объект культуры и тип памятника известен уже давно, однако ранее изложенное до сих пор не складывается в целостную картину. Множество высказываний, наблюдений, реплик посвящалось в различные эпохи тому или иному способу осмыслиния руин. Однако необходим систематизированный обзор, раскрывающий суть руины как культурного феномена. И поэтому важной задачей исследования оказывается уяснение многоаспектности этого культурного явления и его восприятия. В главе даётся краткий исторический экскурс, показывающий как различные эпохи руины воспринимались как тип культурного и архитектурного объекта. Этот экскурс – наименее оригинальная часть исследования, так как в работах по истории реставрации так или иначе упоминаются руинированные памятники и их восприятие в ту или иную эпоху. Но там всё это носит характер локальных реплик, поскольку руины как особый феномен не являются в этих работах предметом специального рассмотрения. Из-за локальности реплик обзор теоретических изысканий до 2 пол. XX в. сам по себе не позволяет собрать воедино всю сумму многоаспектного культурного смысла руины. К этому следует

добавить, что упомянутые локальные реплики практически не распространяются на актуальный для диссертационного исследования теоретический материал второй половины XIX и XX-XXI вв. Исторический экскурс в целом оказывается весьма значительным для понимания сегодняшней работы с руиной. Методически важно, давая по возможности полный исторический обзор, сопоставлять его материал с современной ситуацией, особо акцентировать то, что сегодня воспринимается как смысл, а также то, что воспринималось раньше, но перестало быть актуальным в наше время, и не осознается в содержательном и существенном смысле. Только такое синхронное рассмотрение дает основание для уяснения смысла феномена руины во всём его объеме для систематизации практики сохранения руины сегодня. К тому же современная культура склонна к теоретизированию рассматриваемого вопроса гораздо меньше предшествующих и только соединение ретроспективного и современного видения проблемы позволяет уяснить существо дела.

В главе выявлен ряд эпох, которые были наполнены осознанием руины. Эти эпохи остались большую теоретическую базу, рассмотренную в главе в хронологической последовательности. Сегодняшняя же идеология предполагает больше обращение к инженерной стороне мысли особенно в том, что касается, архитектурной практики. Изменились доминанты культуры. Вопрос об осознании семантики руин перестаёт быть в центре внимания, представляет чисто практический уровень рассмотрения. Внутри практической проблемы прослеживаются пусть неотрефлектированные, не до конца оформленные, но разные представления о существе вопроса.

В диссертации констатируется, что во все времена отношение к руинированному наследию не шло по одной линии. В любую эпоху наблюдается, как минимум, двойственность восприятия. Это объясняется тем, что руину невозможно воспринимать однозначно, поскольку в ней сочетаются слишком разные параметры оценки и интерпретации. Она находится на пересечении многих областей. Очевиден дуализм руины по многим параметрам: прошлое и настоящее, почтение и пренебрежение, культура и природа, архитектура и археология. Рассмотрение спектра взглядов на проблему сохранения и интеграции руинированных объектов культурного наследия в архитектурный контекст в каждый из периодов развития культуры позволит в полной мере оценить цикличность превалирующих взглядов и понять, какие новые линии появлялись на протяжении веков.

В архитектурной среде последних десятилетий не принято обращать внимание на труды прошлого, превозносящие эстетику руинированных строений, как источник некоего материального знания. В современной практике это рассматривается скорее как преамбула. Но внимательное изучение истории любованием руинами привело к

выявлению аспектов, которые можно применить на практике и в наше время, сделать актуальными.

Далее представлен обзор истории вопроса, включающий рассмотрение трудов как архитектурной, так и философской направленности. Суммируя анализ нижеприведённых мнений предлагается выявить основные позиции, на основе которых можно проследить динамику отношения к руинам на протяжении выбранного отрезка времени (от античности до наших дней).

Сведение анализируемых временных этапов к четырём основным, а именно Античности, Средним векам, Новому Времени и Новейшему Времени, продиктовано не столько принципиальными различиями на этих уровнях исторической и временной градации, сколько тем, что мотив руины подвергался теоретическому осмыслению пунктирно, не на постоянной основе. Поэтому в Новом Времени внимание уделяется Возрождению, Романтизму и Эклектике, в Новейшем – Довоенному Модернизму, Военному времени, Послевоенному Модернизму, Постмодернизму и Современности.

Анализ разновременного материала позволяет увидеть, как некоторые темы, варьируясь, живут в веках, другие исчезают, некоторые появляются только на определенных исторических этапах. В рамках данного раздела диссертационного исследования важно показать осмысление и освоение именно архитектурного потенциала руины.

Для античности наиболее актуальна тема времени и истории, в которой руины появляются как напоминание о величии древности, как «памятники древних доблестей», свидетельство славы, память о прошлом родного народа (греки в эпоху Римского владычества). В эпоху Возрождения – память о «золотом веке» античности, в классицизме и романтизме – пробуждение более сложного и развернутого исторического сознания. Тема архитектуры и истории в эпоху Возрождения - материальный источник для изучения архитектурных решений прошлого, позднее – источник неожиданно открываемой информации, влияющей на новые архитектурные решения. В то же время в рамках дихотомии «время и современность» руины – каменоломни в эпоху Возрождения, в XIX веке они часто воспринимаются как помеха прогрессу.

Тема архитектуры и времени открывается в романтизме как образ, напоминающий о «бренности дел человеческих», как сочетание вневременности и многовременности. В персональном восприятии XVIII-XIX – это иррациональность, присущая скорее природе, чем творению человеческих рук. В культуре XIX в. тема «истории и времени» осмысливается как возможность воссоздания идейного потенциала руины в

искусственной постройке, имитирующей разрушенное здание. Фантастический художественный образ ставится выше исторической достоверности.

В философской традиции Германия и Австро-Венгрия руина является логикой истории, не всегда подвластной человеческой воле. Развитие темы «история и время» в XIX в. в частных случаях приводит к отождествлению самого явления торжественности руины не просто с «золотым веком», как у греков, а конкретно с имперским величием. Руина может даже осознаваться как естественное состояние архитектурного объекта, продумываемое на этапе замысла и проектирования.

В работе выявлена рубежная роль археологических раскопок Помпеи и Геркуланума, а также разрушений Второй мировой Войны в качестве катализатора изменения практического обращения с руинами как архитектурным объектом.

В XX веке появляется селективность при выборе наследившихся эпох руины, имеющая пропагандистскую цель, складывается убеждение, что « античные красоты можно сохранить, только сделав их современными». Фрагментарность и мозаичность руины уже не расценивается негармоничной. Открывается возможность имитации образных и пространственных характеристик руины в качестве принципа архитектурного проектирования. В работе рассмотрены современные теоретические взгляды как на уровне законодательства в области охраны памятников архитектуры, так и на уровне частных мнений теоретиков и практиков архитектуры.

ГЛАВА 2. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ. АРХИТЕКТУРНАЯ ПРАКТИКА РАБОТЫ ПО ИНТЕГРАЦИИ РУИНИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ.

2.1. Систематизация руинированных объектов

В первой части главы произведена систематизация руинированных объектов по материалу исходного сооружения, по технологии формирования или причине разрушения, по степени сохранности аутентика, по культурному и охранному статусу, по размеру.

Проблема интеграции руин в современный контекст, являющаяся предметом исследования в настоящей работе, зависит не только от рассмотренных в предыдущей главе аспектов культурной значимости руин, хотя этим, конечно, во многом определяются современные стратегии консервационного или реконструктивного вмешательства в ткань руинированного объекта. Проблемы культурной значимости неразрывно связаны с типологическими характеристиками объекта. В диссертации подчеркивается, что по-разному оцениваются локальные объекты, и градостроительные крупномасштабные фрагменты архитектурного наследия прошлого. Различно отношение к остаткам старой

архитектуры в плотнозастроенном районе активно живущего города и в пустынном давно не обитаемом месте.

Дифференцированность подходов зависит и от чисто технических особенностей работы в разных градостроительных и ландшафтных ситуациях, но в большей мере от разного культурного осмысления типологически различающихся руинированных объектов.

Помимо разнообразия морфологических типов объектов, существенно и их историко-генетическое различие.

Габаритные, пространственные различия сказываются не столько на общественной значимости, на ценности руинированного наследия, сколько на технической проблематике, определяющей возможность работы с объектами того или иного масштаба. В тоже время, происхождение разрушений в большей мере сказывается на культурной значимости руин, на отношении к их дальнейшей судьбе. Известно, что разрушения, произошедшие на памяти ныне живущего поколения, вызывают стремление преодолеть причину разрушения, тогда как разрушения далекого прошлого воспринимаются как нечто естественное, что предопределяет иной спектр возможных архитектурно-реставрационных решений.

Стратегия поддержания или раскрытия культурного значения фрагментированных объектов наследия зависит, конечно, и от меры их руинированности: различаются археологическое наследие, открывающее только плановые габариты произведения прошлого, объемные монументы, сопоставимые с произведениями скульптуры, или трехмерные фрагменты, передающие черты пространственно дифференцированного памятника.

В диссертации указывается, что особую категорию составляют руины, включенные в современную жизнь, как ее органическая часть (Басра, Алеппо и др.) Их культурное содержание таково, что не идет речь об актуализации наследия, а только о его поддержании.

В любом случае, очевидно, что аналитическая работа по классификации методик работы с руинами необходима в рамках данного исследования для понимания механизмов обращения с руинированными объектами архитектурного наследия.

2.2. Современные примеры интеграции руинированных объектов в архитектурный контекст

Современность расширяет представление о возможном культурном освоении объекта исследования. Это прослеживается во всём. Вновь появилась средовая проблематика (ведь история градостроительства появилась гораздо позже истории

архитектуры). Расширяется ресурс и разнообразие подходов к работе с руинированными объектами. Трансформировалось само понятие объекта в исследуемой области. На рассмотренном практическом материале показана палитра толкования руины как архитектурного объекта.

Анализ основных современных интеграционных приемов проведён на основе выделения двух принципиальных аспектов. Первая отмечена превалированием метода технической игры фактур, а вторая - сохранением содержательных аспектов руин.

Интерпретация формы архитектором должна порождать чувства, пробуждать мысли, провоцировать на воссоздание. Если в эпоху романтизма подобное восприятие руин было нормой и основывалось на общих культурных тенденциях, то в наше сугубо рационалистичное время нужно направить зрителя молодого поколения на путь глубокого осмысления ценности и истории руинированного объекта культурного наследия, потому как в случае невмешательства велика вероятность мозаичного и мимолётного ознакомления с частично утраченным памятником архитектуры. Величие и ценность руины очевидна не всем. Умение возвышать её значимость было утрачено, поэтому задача подать руину как максимально информативный архитектурный артефакт возлагается на архитектора. То есть толкование частично утраченного памятника архитектуры должно включать в себя как разъяснение истории возникновения и функционирования/существования объекта, так и его место и статус среди прочих представителей времени создания и существования, а также определённый оформленный в материале посыл на возрождение, возвращающий руину в цивилизацию. Можно выделить аспекта физической интерпретации руины при подаче в новом интеграционном сооружении:

1. Новые конструкции выступают в качестве равноправных или доминирующих. При этом типе интерпретации происходит меньшее проникновение в суть истории памятника, его возникновения, существования и разрушения. В этом случае руинированная ткань расценивается в рамках проектирования с одной стороны, как данность, необходимая к сохранению, а с другой – данность безликая, близкая к ландшафту, который можно модифицировать по требованиям проекта.

2. Новые конструкции служат оправой для исторической ткани, то есть руина то есть руина инкрустируется в новое строение - в этом случае превалирует автономность и особость исторического объекта.

Подробное аргументированное разграничение этих типов будет представлено в следующей главе по результатам анализа архитектурной практики работы с руинами.

Внушительная часть современных интеграционных приемов чаще всего сохраняет качества руины только с позиции фактуры. Крайне распространенным в последние два десятилетия стало течение, приспособливающее индустриальные руины под современные городские функции (от жилья до офиса) – теперь термин «лофт» стал общеизвестным. Благодаря этой модной тенденции изменился и взгляд на разрушающееся наследие в целом. С одной стороны, можно проследить положительную динамику предпочтения более бюджетного, но более консервирующего подхода к проектированию, а с другой – то, что грань между цennыми и неценными памятниками в некоторой мере снизелилась.

Отсутствие военных потрясений и клипизация сознания привели к тому, что произошла переоценка отношения к наследию. Поэтому и освоение руинированного наследия происходит по тем же трём путям, что и раньше - целостная реставрация, консервация и включение в новое строительство - только последний вариант (за исключением большего процента проектов музеефикации) зачастую приобретает формальные признаки интеграции без сохранения замысла и истории.

При формализации руинированной ткани как фактуры отношение к наследию низводится до «дизайнерского». Руина несомненно интегрируется в современный контекст, очищается, оформляется, но при этом характер её преподнесения упрощается. Происходит своеобразная перелицовка изначального образа здания. Зачастую плоскости сохраняемой исторической кладки преподносятся в качестве фактуры, конструктирующей с заново проектируемой. При этом проёмы могут располагаться не только на тех местах, на которых их не могло быть согласно исторической достоверности. В множестве примеров наружные стены руинированного объема рассматривается проектировщиками в качестве оболочки, единственно достойной сохранения. Эта позиция влечет за собой игнорирование внутренней структуры, исторических уровней перекрытий.

Внутренняя систематизация этого раздела произведена на основе размера сооружений – от более крупных комплексов к более мелким.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕГРАЦИИ РУИНИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ

3.1. Предпроектное целеполагание работ по интеграции руин.

Обзор показал насколько расширился ресурс и разнообразие представления об объекте, о его культурном освоении. Объектом трансформации становится само понятие объекта. На рассмотренном практическом материале показана палитра толкования руины как архитектурного объекта.

Узкая специализация вопроса интеграции руинированного объекта в современный архитектурный контекст обуславливает отсутствие международной нормативно-законодательной базы. Нечасто профессиональное сообщество задаётся проблемой проработки принципиальных методов деятельности с руинами. Но актуальность темы и формирование ряда специалистов позволила провести в 2003 году международную конференцию в Сассари (Сицилия) и выявить основные 4 принципа, соблюдение которых поможет непротиворечиво интегрировать руину в современный архитектурный контекст, а именно:

1. Усиление руины (утрирование)
2. Сохранение существующего состояния
3. Музейное экспонирование на месте “*insitu*”
4. «Реинтеграция» образа руины

Анализ основных современных интеграционных приемов по целеполаганию и соответствуию принципам, выявленным на международной конференции привел к выделению двух принципиальных аспектов проектирования. Первый отмечен превалированием метода технической игры фактур (цель в этом случае заключается в архитектурном выражении эстетически и пластически выигрышной компоновки старого и нового), а второй - сохранением содержательных аспектов руин (целью здесь является уже раскрытие информативного и смыслового потенциала руины). Иначе эти аспекты можно оценить как «прагматический», воспринимающую наследие только в качестве материала для новой композиции, и как «сущностный», заинтересованный в раскрытии семантики исторического объекта.

В этом оценочном разделении архитектурных позиций заложена чёткая аргументация по соответствуию или несоответству международным нормам работы с наследием.

3.1.1 «Прагматический» аспект отличается тем, что дошедшее до нас толкуется физически – по конструктивным и декоративным характеристикам. Грубым аналогом отношения может служить ремонт приобретенного недвижимого имущества – капитальные стены сносить запрещено, но с остальным обращаться трепетно не требуется по законодательству. Это позволяет докомпеновывать кладку на всю длину стены (Проект «Обитаемая руина» - Оли ХесусКастилло); преподносить историческую ткань в качестве фактуры, контрастирующей с новыми включениями; игнорировать сложность пластики с точки зрения исторических наслоений и утрировать пластические же особенности разрушенной и в чём-то таким образом обезличенной структуры в целях игры материалов.

3.1.2 «Сущностный» аспект предполагает тщательнейший анализ сохранившегося материала, попытку донести до массового зрителя каждую малейшую дошедшую до нашего времени ценность, будь то мемориальное или историческое свидетельство. Работа с памятником и современными включениями в этом случае представляет собой анализ каждого узла сопряжения нового и исторического с целью выявления наиболее выигрышного способа подачи сохранившейся ткани. Этот аспект предполагает иные акценты в подаче руины. Целью ставится раскрытие семантики исторического объекта. В некотором роде архитектурная интеграция руинированных объектов с превалированием этого аспекта наряду с реставрацией продолжает развитие культуры «модерн», противопоставляя её культуре «постмодерн».

3.1.3 Проблемы и возможные рекомендации по предпроектной работе с руинированными объектами на территории Российской Федерации.

Регистр средств обращения с руиной широк, но локализован. Основные векторы проектных решений – целостное восстановление, консервация или включение в интеграционное сооружение. В случае выбора интеграционного вмешательства нужно осознавать основные проблемы в специфичности сочетания разнохарактерных составляющих культурных и энтропических с одной стороны и, вследствие этого иконографических и природно-живописных составляющих, с другой стороны.

Это, во-первых, **проблема образа**, многослойность которого зависит от иконографических составляющих, от фактуры материала, от научно-образовательной ясности.

Если фактура материала в разной степени может использоваться и при pragматическом и при сущностном подходе, то иконографические составляющие более однозначно относятся к содержательной части. Наряду с этим, что особенно специфично для руины – это вновь приобретенные сложные сочетания культурологических и энтропических составляющих, которые проявляются в фактуре, в скульптурности и рисунке, опять же сложно сочетающихся иконографические и природные составляющие.

По возможности, нужно представлять сочетание принадлежащих руине и добавляемых элементов, касающихся материалов, фактуры, того же рисунка и того, в какой мере те или иные изменения и вмешательства корректны для сохранения исторически сложившихся качеств конкретной руины. Нужно отметить также, что включение в интеграционное сооружение руины без эстетической, культурологической или мемориальной ценности имеет опасность выглядеть непонятным, неоправданным и негармоничным, как, к примеру, в случае EsherTerrace, где разумнее и дешевле было, возможно, не выводить

фабричную стену на фасад, неартикулированно вживляя кладку желтого кирпича в новую кладку серого. Изначальное вживляемое сооружение не имело ни эстетической ценности, ни сложившегося образа и силуэта, ни мемориальной значимости.

Во-вторых – **проблема материала исходного сооружения**. Подлинник должен быть достаточно «неветхим» и долговечным, то есть имеющим потенциал повторного включения в среду, не производящего негативного на неё воздействия.

В-третьих – **проблема детальности историко-культурного и натурного обследования** объекта. А именно, необходимо произвести историко-культурное обследование памятника с усиленной точностью обмерных работ – 3Д сканирование и тщательная фиксация деталей, сохранивших узнаваемость и потенциал графической или виртуальной реконструкции с усилением образовательного потенциала.

В-четвёртых – **проблема охранного статуса** (на территории Российской Федерации). В случае наличия руинированного объекта в реестре памятников архитектуры с прописанным регламентом, спектр приёмов обращения с ним может быть сокращён до двух полюсов – консервация и цельная реставрация, что исключает возможность создания смешанного интеграционного сооружения.

Всё вышесказанное позволяет сделать предположение о том, что имеет смысл рассмотреть возможности детализации и уточнения путей реализации требований пункта законодательства о выявлении предмета охраны в отношении руинированных объектов культурного наследия Российской Федерации и, как частного примера - Калининградской области. Общность климатических условий, причин разрушения, технологических и стилевых характеристик памятников Калининградской области и земли Саксония (для примера) позволяет говорить о целесообразности изучения специфики определения реально существующего предмета охраны руинированного объекта на примере законодательства регионального ФРГ. Чётко ограниченный предмет охраны позволит сузить зону регулирования застройки и границы территории объекта культурного наследия к минимуму, следовательно, регенерация сооружения станет возможна в более широких пределах. Учитывая рассмотренные ранее аспекты можно говорить о несколько рискованной мере, позволяющей расширить палитру архитектурного освоения руинированных объектах в пределах конкретной территории. То есть, иначе говоря, пройти историко-культурную экспертизу и сократить охранную зону и предмет охраны памятника для расширения проектных полномочий. Подробнее этот вопрос рассмотрен в публикации диссертанта «Некоторые проблемы сохранения руинированных памятников Калининградской области».

3.2. Методики работы с руинированными объектами.

Анализ практических приёмов работы с руинированными объектами показал, что в рамках диссертационного исследования можно выделить основные методики в широком спектре примеров интеграции руин различных по степени трансформации и сохранения исходного объекта.

Освоение руинированного наследия происходит по стандартным путям работы с историческими объектами - целостная реставрация, консервация и включение в новое строительство. Но в рамках исследования эти пути уточнены по причине специфики и сложности работы с руинированными объектами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании была поставлена цель выявления закономерностей, определяющих условия органичной, содержательно непротиворечивой интеграции руинированного памятника архитектуры в архитектурно-градостроительный контекст, учитывая, как техническую, так и, главным образом, семантическую/образную составляющую.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Анализ теоретических воззрений длительного промежутка времени показал, что современность предпочитает демонстрировать своё понимание руины в виде архитектурной практики и законодательства по сохранению памятников на всех стадиях разрушения. Также можно говорить о том, что архитектурная интеграция руинированных объектов наряду с реставрацией продолжает развитие культуры «модерн», противопоставляя её культуре «постмодерн».
2. Выявлены два принципиально различающихся подхода к предпроектному обеспечению работы с руинированным объектом, условно названные в рамках исследования «прагматический» и «сущностный». Приведена оценка путей реализации этих подходов применительно к различным типам объектов исследования.
3. Руина - это зачастую фрагмент здания, локальное восприятие которого, кстати, достаточно хорошо вписывается в современное клиповое сознание. Здания прошлого с некоторыми исключениями, носили регулярный характер. Схема здания основывалась на повторении мотивов и элементов. При разрушении в

структуре вносятся изменения, которые создают оживляющие монотонность отклонения от регулярности, обусловленные неантропогенными факторами и, следовательно, неожиданные для глаза. Стремление современных архитекторов к нелинейности и аритмичности находит отклик в формах, искаженных временем, природой и воздействием человека. Восприятие руины как элемента разнородной конструкции удобен и гармонично вписывается в современную архитектурную практику и в архитектурную практику будущего.

4. Требуется глубокая проработка вопроса реконструирования, моделирования, организации специальных музеиных экспозиций на территории, примыкающей к руинированному объекту культурного наследия. Все эти меры должны помочь в преодолении разрыва между внешним малоинформационным для реципиента на первоначальном этапе видом руинированного памятника архитектуры и его восстановленным (в том или ином виде) обликом. При этом восстановить (графическими, объемными или интерактивными средствами) разрушенный объект можно в различной мере: как воссоздание памятника целиком, так и отдельных его частей. Опасность состоит в недостаточном соблюдении исторической объективности в угоду современного восприятия художественной формы. Проанализированный материал убеждает в необходимости придерживаться с одной стороны разработанных методик консервации самых аварийных участков, реставрации сохранившихся фрагментов, а с другой – прибегать к приемлемому в данном конкретном случае типу грамотной реконструкции.
5. География анализа практических приемов ограничивается в основном Европой (за рядом исключений). Это объясняется, во-первых, тем, что российский климат не может сегодня предоставить условия для достойной фиксации руинированного состояния памятников, а во-вторых - особенностями национального менталитета.
6. Анализ проектов, их общественного резонанса и реакции профессионального сообщества позволяет выявить ряд положений. Общим в них является то, что наряду с очевидным разделением подхода к руине, оговоренным ранее заметным стало усовершенствование материалов как при существенном, так и при pragmatическом подходе, что ведёт к обратимости обоих видов вмешательства.
7. В работе выявлены все аспекты восприятия руины и воздействия руины на среду в прошлом и настоящем (социальный, культурный, психологический, информационный, архитектурный и т.д.)
8. На вопрос о том, как наличие "руинирования" может повлиять на проектирование и какой тип взаимодействия руина установит с архитектурой, в рамках

диссертационного исследования можно ответить, что это почти всегда приводило к обогащению сферы проектных решений, как на теоретическом уровне, так и на конструктивном. Апробация результатов исследования в виде графических работ по ревитализации руин (см. Приложение 3) показывает, какой различный подход может быть выбран при анализе объекта. И как руинированное наследие и, в частности, руины незначительных сооружений могут стать ресурсом повышения качества среды.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России

1. Буш П.Д. Информационный потенциал руинированного объекта культурного наследия (статья) // Международный электронный научно-образовательный журнал “ArchitectureandModernInformationTechpologies” («Архитектура и современные информационные технологии») № 1(34) 2016
2. Буш П.Д. Информативность и интерпретация руинированного памятника архитектуры (статья) // Научно-аналитический журнал по вопросам искусствоведения «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова № 1-2016
3. Буш П.Д. «Проницаемые» конструкции в экспонировании руинированных объектов // Международный электронный научно-образовательный журнал “ArchitectureandModernInformationTechnologies” («Архитектура и современные информационные технологии») № 1(38) 2017
4. Буш П.Д. Некоторые проблемы сохранения руинированных памятников Калининградской области(статья) // Международный электронный научно-образовательный журнал “ArchitectureandModernInformationTechnologies” («Архитектура и современные информационные технологии») №2(39) 2017

б) публикации в других изданиях

1. Буш П.Д. Интеграция руинированных памятников //Наука, образование и экспериментальное проектирование(статья) // Сборник «Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ» - 2014

2. Буш П.Д. Средства прочтения градостроительных качеств руинированных объектов культурного наследия(статья) //Наука, образование и экспериментальное проектирование Тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов 6—10 апреля 2015 г.
3. Буш П.Д. Средства прочтения градостроительных качеств руинированных объектов культурного наследия(статья) // Сборник «Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ» - 2015
4. Буш П.Д., Ковенский Р.А., Разумовский М.Ф. «Реорганизация производственно-коммунальных территорий в исторических центрах городов мира и создание на них туристических, рекреационных и культурных кластеров: анализ эффективности развития»Электронный экспертный журнал Концессии и инфраструктурные инвестиции Режим доступа: [http://www.investinfra.ru/issledovaniya/224-issledovatel'skie-raboty-po-reorganizacii-proizvodstvenno-kommunalnykh-territoriyi-v-istoricheskikh-tcentrakh-gorodov-mira-i-sozdaniu-na-nikh-turisticheskikh-rekreatcionnykh-i-kulturnykh-klasterov.html#224_01]
5. Буш П.Д. Виртуальная реконструкция руинированного объекта культурного наследия на примере замка Бранденбург в Калининградской области (статья) // Сборник «Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ» - 2016
6. Буш П.Д. Псевдоруины современности (статья) // Сборник «Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ» - 2017